

³⁰ Станиславский А.Л. Указ. соч.; Dunning Ch. Op. cit.; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века...

³¹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 125.

М.Ю. Нечаева
(Екатеринбург)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.*

Политические и социальные перемены в России конца XX — начала XXI в. пробудили особый интерес к истории общественных организаций. Добровольные общественные объединения в значительной степени характеризуют уровень развития гражданского общества. На фоне научных дискуссий об исторической динамике и специфике складывания гражданского общества в имперской России¹ актуальны исследования религиозных общественных организаций и степени участия духовенства в общественных организациях нерелигиозной направленности.

В сущности, сама Церковь также понимается как религиозная общественная организация. Однако в условиях имперской России, когда православие было религией государственной, а православная церковь была тесно включена в политический аппарат, в значительной степени превратившись в Ведомство православного исповедания, такой признак общественной организации, как добровольность участия ее членов, в значительной степени был утрачен. Специфично было проявление и еще одного признака общественной организации — наличие демократической самоорганизации и гражданской культуры, предполагающей высокую активность членов объединения. В русле общественных реформ середины XIX — начала XX вв. в Русской православной церкви происходило реформирование прихода, которое призвано было активизировать церковную жизнь, получили распространение формы коллегиальности в управлении (епархиальные, благочиннические, миссионерские, монашеские съезды), однако эти преобразования шли «сверху», не всегда встречая активную поддержку местного духовенства и мирян. Объяснение такой пассивности внутрицерковной жизни церковные историки находили в литургическом характере русского православия: единство верующих проявляется в богослужении, которое вызывает особый эмоциональный подъем и ощущение единства молящихся, а не в совместных делах, мотивированных религиозным чувством, как это характерно, например, для протестантских церквей².

В современной исторической науке термин «общественные организации» понимается обычно в более узком смысле — как объединения, созданные для достижения определенных уставных целей. В середине XIX — начале XX вв. в России сложилась весьма разветвленная сеть таких добровольных общественных организаций, в деятельности которых активно участвовала православная церковь. В имперской России, где подавляющее большинство населения составляли люди верующие, то есть члены Церкви, причем в основном принадлежавшие именно к Православной Церкви, практически все филантропические общественные организации использовали религиозные постулаты в своих уставных положениях при формулировке целей и мето-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, № 09-01-83112а/У.

дов деятельности. Многие благотворительные организации России того периода весьма активно обращались к Православной Церкви для получения материальных средств, духовной и идеологической поддержки, хотя цели деятельности формулировали в социальной сфере. Таковыми были, например, различные общества, ставящие задачей призрение недееспособных. Некоторые из них действовали по всей России, например: Братство во имя Царицы Небесной для призрения детей-идиотов и эпилептиков, занимавшееся организацией приютов и для этого с разрешения Синода производившее ежегодно церковный сбор по всей России в Крестопоклонную неделю Великого поста; Попечительство о глухонемых, производившее с разрешения Синода ежегодный церковный сбор на пятой неделе Великого поста, открывшее сеть благотворительных учреждений по всей стране; Общество для борьбы с проказою в Санкт-Петербургской губернии, в пользу которого был установлен ежегодный церковный сбор 6 августа; Попечительство для призрения слепых, ежегодно производившее сбор в пользу слепых в Неделю о слепом (в пятую неделю по Пасхе); Общество призрения детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей, в пользу которого производился ежегодно 28 и 29 августа тарелочный сбор; Союз для борьбы с детской смертностью в России, собиравший пожертвование в церквях в один из дней декабря, по назначению епархиального начальства³.

По направленности своей деятельности эти общественные организации не были православными, они были социальными — ориентированными на общественное призрение. Форма участия в их деятельности для православного духовенства и церковного актива⁴ была в основном финансовой: эти общества не призывали россиян стать своими членами, поддержка должна была выражаться в пожертвованиях. Однако активное участие в организации сбора пожертвований на эти нужды было обязательным для приходского духовенства и приходских советов: в дни общероссийских церковных сборов на нужды этих филантропических организаций в церквях священники зачитывали воззвания о пожертвованиях, через благочинных и консистории собранные пожертвования аккумулировались по церковным административным округам. Таким образом, духовенство объективно выполняло функции членов этих общественных организаций, даже не будучи формально таковыми.

Подобные организации имелись и в региональном масштабе. Например, на Среднем Урале действовало Пермское дамское попечительство о бедных, в составе которого были женщины как из светских кругов, так и из семей духовенства. Попечительство содержало приют для детей в Перми, строило церковь при этом приюте, активно занималось иными формами благотворительности, привлекая на все свои мероприятия местное духовенство. В Екатеринбурге существовало Общество Милосердия во имя Святого Николая, которое ставило целью открытие сети благотворительных учреждений (приюты, богадельни, бесплатные столовые), оказание помощи неимущим (денежные, вещевые пособия, бесплатная медицинская помощь). При Обществе был организован Дамский Комитет. Оба эти Общества периодически получали от епархиального начальства разрешение на проведение сбора пожертвований в храмах, а также информацию от священников о наиболее остро нуждающихся в помощи прихожанах.

Возникали общественные организации с активным участием духовенства и под эгидой епархиальных властей при различных чрезвычайных ситуациях — неурожаях

и голоде, войнах. Так, например, на Среднем Урале для помощи голодающим действовали в 1870-е гг. отделения Самарского комитета, в 1890-е гг. епархиальные комитеты по оказанию помощи местному населению, пострадавшему от неурожаев. Общество Красного Креста через духовенство проводило постоянные тарелочные сборы пожертвований. Во время войн и первое время после их окончания активно прибегали к помощи духовенства различные организации: в 70-е гг. XIX в. Комитет для оказания вспомоществования семействам убитых, умерших от ран и изувеченных на поле брани воинов, в годы Русско-японской войны и после нее — Попечительство о семействах воинских чинов, призванных на службу на Дальний Восток из запаса, Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (в его пользу был установлен церковный сбор 5 и 6 декабря, Общество продолжало действовать в годы I Мировой войны).

В 1914–1917 гг., на волне всплеска патриотических настроений во всех слоях российского общества, к своей деятельности активно привлекал духовенство и приходские организации Романовский комитет, который получил разрешение проводить в четвертую неделю Великого поста церковный сбор на призрение детей воинов, павших на поле брани. Комитет помощи русским военнопленным ежегодно 17 апреля проводил церковный сбор на удовлетворение религиозно-нравственных нужд русских военнопленных, томящихся во вражеском плену. Всероссийское Общество попечения о беженцах через свои местные комитеты также проводило сбор пожертвований. В то же время возникли и епархиальные попечительства: в Екатеринбургской епархии, например, Попечительный комитет по оказанию помощи семьям запасных нижних чинов, призванных на войну, и призрению больных и раненых воинов, в Пермской епархии — Попечительный комитет о нуждах военного времени.

Старались активно привлечь в свои ряды представителей духовенства, которые могли бы посдействовать даже не столько финансово, сколько идеологически — в распространении информации о задачах — и общественные просветительские организации: Общество улучшения народного труда, Российское общество пчеловодства, Общество содействия подъему земледелия, сельскому хозяйству и народной трудоспособности «Русское Зерно», Уральское общество любителей естествознания и др. Епархиальные власти содействовали распространению сведений о деятельности этих организаций, размещая на страницах епархиальной прессы их воззвания и объявления, однако не пытались со своей стороны воздействовать на местное духовенство. Участие духовенства и мирян в таких организациях было сугубо добровольным и не подлежало контролю со стороны церковных властей.

Во второй половине XIX в. в епархиях создавались и различные церковно-ведомственные филантропические организации, ориентированные на благотворительность в пользу церковных образовательных учреждений. Такие общества ограничивали свою деятельность оказанием поддержки одному учебному заведению (например, Пермское общество вспоможения недостаточным воспитанникам духовной семинарии, Пермское общество вспомоществования нуждающимся учащимся в епархиальном женском училище, Попечительство при церкви Екатеринбургского епархиального женского училища) Участие духовенства в деятельности этих организаций для духовенства носило добровольный характер, однако значим был фактор морального воздействия: дети священников учились в этих заведениях, и родителям.

вероятно, было сложно отказаться от пожертвований в их пользу. Дополнительным стимулом к пожертвованиям были воспоминания о годах собственного ученичества в стенах этих учебных заведений. Епархиальные власти, со своей стороны, не пытались дополнительно принудить священников к таким пожертвованиям.

Общественные организации обычно компенсируют недостатки социальной политики государства, и примером этого были создаваемые в лоне православной церкви во всех епархиях попечительства о бедных духовного звания, эмеритальные кассы, епархиально-училищные благотворительные общества (например, Общество взаимного вспомоществования учившим и учащим в церковно-приходских школах и школах грамоты в Екатеринбургской епархии). Подобные попечительства, направленные на пенсионное и страховое обеспечение, существовали и в других ведомствах — военном, горном. Участие в них для духовенства и учителей церковных школ носило уже полупринудительный характер.

Существовали на всех уровнях — общероссийском, епархиальном и приходском — и общественные организации сугубо религиозной направленности, формулировавшие свои цели в русле миссионерской, религиозно-просветительской и обрядовой деятельности.

Такие православные общественные организации на Среднем Урале появились еще в первой половине XIX в. В 1818 г. было открыто в Перми Отделение Российского Библейского общества, но оно просуществовало недолго — в 1826 г. эта организация прекратила свое существование по всей стране. Подлинный расцвет религиозных общественных организаций произошел уже во второй половине XIX — начале XX вв.

Еще до создания на Среднем Урале православных общественных организаций миссионерской и религиозно-просветительской направленности, как, впрочем, и после, население региона регулярно информировалось через епархиальную прессу о деятельности различных миссий, братств, обществ, комитетов и приглашалось к пожертвованиям на них. Отправить эти средства можно было либо напрямую, либо через благочинных и консисторию, пожертвования носили сугубо добровольный характер и участие уральцев в деятельности этих организаций сводилось к пожертвованиям, без фиксированного членства. Уральцы приглашались к пожертвованиям на самые различные проекты: на постройку в Москве храма во имя Александра Невского в память освобождения крестьян от крепостной зависимости; храма во имя святого Николая Мирликийского в городе Бари; храмов-памятников русским воинам в Лейпциге, у подножия Балкан, храма во имя святой Ольги в Псковской губернии; храма на Куликовом поле; на сооружение памятников — в Москве М.И. Кутузову и в Ревеле императору Петру I; в пользу беднейших храмов в России и в Фонд императора Александра III по церковному и школьному строительству в Сибири; на увековечение памяти русских воинов, павших в войне 1904–1905 гг.; на Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви и др. Отправить пожертвования можно было напрямую в эти комитеты или через благочинных и консисторию.

Судить о степени участия уральцев в этих фондах и комитетах, в силу размытости каналов поступления средств, достаточно сложно. Планомерное участие духо-

венства и мирян в общественных религиозных организациях начинается со времени их создания на Урале.

В 1865 г. было основано Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками, имевшее целью материальное содействие российским миссиям — как внутри Империи, так и за ее пределами. В 1870 г. организация была переименована в Православное Миссионерское общество. Председателем общества стал «русский апостол Америки» святитель митрополит Иннокентий (Вениаминов), искренне считавший, что миссия — общее дело «всех православных империи»⁵. Пермский комитет Миссионерского общества был открыт 23 ноября 1872 г., в 1886 г., вскоре после образования самостоятельной епархии, был открыт Екатеринбургский комитет. Инициатором создания епархиальных комитетов был председатель Общества.

Примером еще одной религиозной общественной организации общероссийского масштаба является Православное Палестинское общество, также имевшее свои отделы во всех уральских епархиях. Основанное в 1881 г. общество именовалось Императорским и состояло под председательством великого князя Сергея Александровича, а после его гибели в 1905 г. — под председательством великой княгини Елисаветы Феодоровны. Организация имела прежде всего религиозно-просветительские цели: сбор и распространение в России сведений о святых местах Востока; оказание помощи православным паломникам этих мест; учреждение школ, больниц и странноприимных домов, а также оказание материального пособия православному населению Ближнего Востока⁶.

Палестинское общество изначально носило высокоинтеллектуальный, во многом элитный характер. Его почетными членами состояли в разное время многие представители императорской фамилии, председатели Совета Министров, обер-прокуроры Синода. Правила для открытия епархиальных комитетов Палестинского общества были разработаны в 1885 г. Открывались они в различных епархиях на протяжении ряда лет. Екатеринбургский отдел Палестинского общества был открыт 10 апреля 1894 г. (в Неделю ваий). Пермский — в 1897 г., однако подготовка велась с 1893 г. Инициатива открытия этих отделов исходила от председателя Общества великого князя Сергея Александровича. Основной целью открытия местных отделений Палестинского общества было увеличение притока пожертвований, для чего организовывались чтения и собеседования о Святой Земле с использованием «туманных картин».

Кроме общероссийских православных организаций существовали и епархиальные — братства, общества хоругвеносцев, церковно-археологические общества. Они самостоятельно формулировали свои задачи, в большей степени учитывали местные нужды, однако были типичны для России в целом — один и тот же спектр епархиальных организаций складывался во всех регионах страны.

Православные братства существовали во всех уральских епархиях: в Пермской епархии — Братство святого Стефана Пермского, в Оренбургской — Михаило-Архангельское братство, в Вятской — Братство Святителя Николая, в Уфимской — Братство Воскресения Христова, в Тобольской — Братство святого великомученика Димитрия Солунского, в Екатеринбургской — Братство святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца⁷. Опыт создания братств был заимствован из западных

областей Российской империи, где они выполняли важную функцию объединения православных в противостоянии униатским и католическим церковным властям. В глубинных регионах Российской империи братства создавались по инициативе епархиальных властей, в русле единой церковной политики, направленной на оживление религиозной жизни, и имели целью миссионерскую и религиозно-просветительскую деятельность.

Первым на Среднем Урале возникло Пермское епархиальное Братство святителя Стефана. Оно было создано в 1882 г., еще до выделения Екатеринбургской епархии, и распространяло свою деятельность на всю территорию Среднего Урала.

Практически одновременно с организационным оформлением Пермского Братства шло создание Братства св. Симеона Верхотурского, возникшего сразу после образования новой Екатеринбургской епархии, в 1886 г.

Большинство членов и епархиальных братств, и епархиальных комитетов Миссионерского и Палестинского общества составляли приходские священники. Членство носило для них полупринудительный, должностной характер. Однако сама форма организации позволяла проявлять инициативу, и отчеты этих братств и комитетов показывают, что в каждой организации были свои истинные подвижники, не жалевшие сил и красноречия для сбора пожертвований на нужды обществ⁸. Сами эти организации действовали с учетом местных потребностей, взаимодействуя в проведении миссионерской и религиозно-просветительской работы. Так, учитывая проживание на Урале многочисленного нехристианского населения, силы обществ и братств были разумно распределены, чтобы охватить все слои уральского общества: епархиальные комитеты Миссионерского общества занимались в основном просвещением языческого и мусульманского населения, епархиальные братства — антираскольнической миссией, Палестинское общество — христианским просвещением православных и сбором средств на ближневосточные миссионерские нужды.

Кроме миссионерских, все эти комитеты и братства занимались религиозным просвещением населения. И, надо признать, что наибольший отклик среди уральцев имела именно эта сторона деятельности организаций: для мирян миссионерские задачи не представлялись особо актуальными, а духовенство полагало, что и так, в силу должностных обязанностей, немало делает для этого. Можно сказать, что миссионерская деятельность была навязана этим организациям «сверху» — епархиальные власти считали эти организации своим орудием проведения церковной политики и использовали их как аккумулятор средств, необходимых для миссии. Религиозное же просветительство находило отклик в православном населении: неизменным успехом пользовались и палестинские чтения, и внебогослужебные собеседования, большими тиражами расходилась издаваемая епархиальными братствами литература.

Этим двойным характером организаций — общественные, но состоящие под непосредственным контролем и руководством епархиальных властей — объяснялись и кадровые проблемы организаций: со временем все они начинали испытывать недостаток поступлений членских взносов. Однако чем скуднее становился ручеек членских взносов, тем активнее разливался поток пожертвований, сделанных разовым порядком на нужды обществ. Это говорило о том, что сама деятельность этих общественных организаций была востребована и актуальна, анахронизмом были только формы принудительного членства.

Спектр религиозных общественных организаций был достаточно широк: помимо епархиальных комитетов Миссионерского и Палестинского обществ, епархиальных братств во всех епархиях действовали общества хоругвеносцев, ревнителей православия, церковно-исторические общества. Не остался в стороне от этих веяний и Средний Урал.

18 марта 1907 г. было создано Пермское общество Хоругвеносцев, 20 сентября 1910 г. — Екатеринбургское. Обе организации были открыты по инициативе правящих архиереев с целью обеспечения должного благочиния во время крестных ходов и богослужений, существовали при кафедральных соборах, но носили характер епархиальный, а не сугубо приходской. Хотя эти организации не ставили таких широких просветительских и миссионерских задач, как описанные выше, по численности своих членов они были сопоставимы с епархиальными братствами.

Формой объединения интеллигенции из числа духовенства и мирян стали образовавшиеся на Среднем Урале, в русле общероссийских тенденций, церковно-археологические общества. 22 августа 1911 г. было открыто Екатеринбургское епархиальное церковно-археологическое общество, 17 октября 1912 г. — Пермское. Общества были созданы в соответствии с циркуляром Синода 1911 г., таким образом, и эти общества возникли по инициативе «сверху», однако впоследствии стали формой выражения искренней исследовательской инициативы представителей церковной интеллигенции. Сочинения членов этих обществ не утратили своего научного значения и поныне, а активная, заинтересованная позиция членов Пермского общества вывела эту организацию в число лучших церковно-исторических обществ России.

Следует отметить и то, что в создании обществ хоругвеносцев и церковно-исторических обществ большое значение имела инициатива представителей местного духовенства, а элемент контроля и опеки со стороны епархиальных властей был выражен слабее. Из всех религиозных общественных организаций епархиального уровня они более всего имели основание именоваться «общественными».

Постепенное развитие получали и внутриприходские общественные организации. Первыми из них были церковно-приходские попечительства. Самые ранние попечительства появились на Среднем Урале еще в 40-е гг. XIX в. в Пермском уезде. В некоторых приходах попечительства назывались братствами.

2 августа 1864 г. император Александр II утвердил «Положение о приходских попечительствах при православных церквах». На попечительства возлагались три направления деятельности: изыскание средств на строительство, ремонт, благоустройство храмов, забота об обеспечении причта необходимыми условиями содержания, о состоянии кладбищ; изыскание средств на строительство и содержание приходских школ; социальная благотворительность в рамках прихода (поиск средств на учреждение больниц, богаделен, приютов и др., помощь прихожанам-беднякам)⁹. В 1903 г. деятельность приходских попечительств привлекла внимание императора Николая II, после чего епархиальные архиереи издали указы, предписывавшие открыть попечительства во всех приходах. Одновременно были опубликованы типовые положения о приходских попечительствах¹⁰. К началу I Мировой войны попечительства имелись в большинстве приходов Среднего Урала. В тесной связи с попечительствами возникали и другие приходские организации — общества трезвости, общества ревнителей Православия, сестричества.

Подводя итоги, можно отметить, что в начале XX в. на Среднем Урале Русская православная церковь в лице духовенства и церковного актива участвовала в весьма широком спектре общественных организаций, как религиозных, так и светских. И хотя инициатива создания этих организаций исходила обычно «сверху» и была частью общероссийской политики, сами эти организации давали простор для развития общественной инициативы.

Проявлялась же эта инициативность по-разному. Наибольший отклик находили конкретные местные, не слишком продолжительные по времени акции: сбор средств на строительство или ремонт того или иного храма, празднование церковного юбилея, Палестинские чтения, духовные вечера. Более отвлеченные задачи — миссия, система начального образования — обычно привносились епархиальными властями и не находили горячего отклика у членов обществ.

Общественных организаций, деятельность которых носила сугубо религиозный характер, было немного, обычно организации, возникавшие под эгидой церкви, носили синкретический характер и имели существенной составляющей социальной служение. На приходском уровне все общественные организации занимались социальной работой.

Система общественных организаций во второй половине XIX — начале XX вв. еще только формировалась, а общественная инициатива «училась» проявлять себя. Темпы этих перемен современников не устраивали, но процесс формирования социальной ответственности и самоорганизации все-таки начался, даже в рамках церкви — института традиционного, для которого характерна жесткая иерархичность. И это было одним из признаков того, что гражданское общество в России начинало складываться. Нельзя не согласиться с мнением Д. Бредли о том, что «в условиях самодержавия добровольные ассоциации не только давали понимание смысла гражданского общества — они вносили важный вклад в процесс превращения российских подданных в российских граждан»¹¹. Применительно к Русской православной церкви можно сказать, что эти организации придавали новое (хотя и очень каноническое) осознание Церкви как сообщества верующих, в котором духовенство и миряне — соратники и в стремлении к духовному преображению, и в действенной помощи ближнему.

Примечания

¹ Историография проблемы гражданского общества в России насчитывает уже десятки работ. Для характеристики основных подходов в дискуссии следует прежде всего указать публикации: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 тт. Т. 2. СПб., 1999; Бредли Д. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89; Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 гг. Тамбов, 2002; Дегальцева Е.А. Неполитические общественные формирования в государственной структуре дореволюционной России // Электронный журнал «Сибирская заимка». 2002. № 4: http://zaimka.ru/04_2002/degalteva_voluntary/; Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007.

² Смолч И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть вторая. М., 1997. С. 75. Ельчанинов А.В., Флоренский П.А. Православие // Православие: pro et contra (Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви). СПб., 2001. С. 137–160.

³ Поскольку воззвания о пожертвованиях и распоряжения епархиального начальства о проведении церковных сборов доводились до сведения церкви через публикацию в епархиальной прессе, наилучшее представление о спектре благотворительных организаций, пользующихся поддержкой церкви, дают епархиальные ведомости.

Для Среднего Урала — это «Пермские епархиальные ведомости», издававшиеся с 1867 г., и «Екатеринбургские епархиальные ведомости», издававшиеся с 1886 г.

⁴ Не говорим о мирянах в целом, поскольку практически все в России того времени были людьми верующими, и в таком ракурсе все члены любых общественных организаций — представители церкви, православной или иной.

⁵ Курляндский И.А. Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов) — председатель Православного Миссионерского общества в Москве (1870–1879 гг.) // Миссионерское обозрение. 2000. № 3: Белгородская Православная Духовная семинария: сайт. URL: http://www.seminaria.bel.ru/pages/mo/2000/mo3_sod.htm.

⁶ Устав Православного Палестинского общества // Пермские епархиальные ведомости. 1894. № 8–9. Отдел офиц. С. 133–134.

⁷ Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 год. Тобольск, 1900. С. 13; Благотворительные учреждения Российской империи. Т. II. СПб., 1900. С. 478, 507, 516, 903, 912; Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 320–323.

⁸ Подробнее о деятельности этих обществ см.: Нечаева М.Ю. Единение во имя Христа: Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX — начала XX веков. Екатеринбург, 2008.

⁹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 340–350.

¹⁰ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1903. № 6. Отдел офиц. С. 120–125.

¹¹ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности... С. 30, 99.

*Н.А. Новикова
(Екатеринбург)*

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС КАК ОСНОВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Избирательное законодательство конца XVIII — первой половины XIX вв. характеризовалось своей сословностью. Пожалуй, это его главная характеристика. Сословный (или классовый) ценз означал, что при наделении конкретного лица избирательными правами учитывалось его положение в обществе, то есть его принадлежность к какому-либо сословию (классу) и его положение в данном сословии (классе).

В рамках данного сообщения для характеристики сословного ценза под сословием понимается группа подданных, отличающихся от остального населения какими-либо по наследству передаваемыми правами или правоограничениями¹, или, иными словами, сословие — это социальная группа, обладающая закрепленными в обычае или законе и передаваемыми по наследству правами и обязанностями².

В избирательном праве ретроспективного периода можно выделить две стороны сословного ценза. С одной стороны, сословный ценз проявлялся, прежде всего, в том, что некоторые сословия, существовавшие на тот момент в Российской империи, были полностью лишены избирательных прав. С другой стороны, в ходе выборов от основных сословий можно отметить существование дополнительных ограничений, связанных с положением внутри этих сословий для некоторых категорий лиц.

Одной из категорий, лишенных избирательного права, были владельческие (крепостные) крестьяне, которые вообще не обладали правовым статусом лица, будучи приписанными законом к имуществу. Однако если их рассматривать как лишенных дееспособности и находящихся под опекой, то можно сказать, что у них было своеобразное косвенное избирательное право (правда, только активное), так как их владелец представлял их интересы (ведь в то время считалось, что интересы крестьян и их владельца совпадают).